

ЕВРОПА СВЯТЫХ. СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СВЯТОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

отв. ред. С. А. Яцык. СПб.: Алетейя, 2018. 324 с.
ISBN 978-5-906980-87-8

УДК 82-95 (27-36) (94(36))
DOI: 10.31802/BCA.2020.7.3.013

Писать рецензию на труды, издаваемые лабораторией медиевистических исследований НИУ ВШЭ, с одной стороны, довольно просто, а с другой — очень сложно. Ряд довольно широко известных проектов, осуществлённых Лабораторией медиевистических исследований НИУ ВШЭ, привлекли к своей реализации значительную аудиторию и оказались вполне успешными¹. Пожалуй, и этот проект можно назвать относительно успешным. Строго говоря, в русскоязычной историографии последних двух десятилетий не так много общих трудов о святых и святости. Современные исследователи касаются в основном различных аспектов святости или мест, занимаемых святыми в гражданской истории². Мы можем отметить теоритические работы харьковских коллег об агиографии, ряд статей о святых и святости М. Ю. Парамоновой³ и другие.

Говоря о рецензируемой работе, можно было бы ограничиться тем, что книга «Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века» является изданием по итогам ряда

- 1 См., например: Средневековая Европа: Восток и Запад / отв. ред. М. А. Бойцов. М., 2015; На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф, М. А. Бойцов. М., 2016; Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / отв. ред. М. А. Бойцов, О. С. Воскобойников. М., 2017.
- 2 Ряд работ предложен к рассмотрению И. С. Филипповым в его размышлениях о «Европе святых». См.: Филиппов И. С. О святости, корректности и горизонтах науки. Заметки к сборнике статей «Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века» // Средние века. 2019. Т. 80. № 3. С. 206–209.
- 3 Владимир (Швец), архим., Сорочан С. Б. Введение в агиографию. Харьков, 2015 (2-е изд., испр. и доп.: Харьков, 2018); Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси. М., 2003; Она же. Агиография; Канонизация; Святые // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. М., 2003. С. 22–29, 202–212, 467–478; Она же. Агиография // Российская историческая энциклопедия. М., 2015. Т. 1. С. 321–324.

конференций 2014–2016 гг., проведённых в рамках проекта «Культы святых в христианских культурах Востока и Запада Европы в Средние века и раннее Новое время: религиозно-культурные, социальные и политические функции». В конференциях участвовали ведущие специалисты, занимающиеся святостью как политическим и социальным феноменом. Рецензируемое издание является научным трудом, выполненным на высоком уровне. Данная работа будет полезна всем занимающимся политической историей Европы и изучением роли христианских практик в политическом процессе.

Однако всё разнообразие тем, поднимаемых в книге, может сыграть с читателем злую шутку. В «Европе святых» ответственный редактор выделила пять разделов, но, по всей видимости, не предполагала, что прочитаны они будут ровно в том порядке, в котором расположены. Если концепция конференций была в «сталкивании» восточной и западной моделей святости, то внутри раздела, на наш взгляд, хронологический порядок расположения статей был бы интереснее используемого — по фамилии автора. Подобное расположение логичнее с точки зрения рассмотрения различных аспектов святости.

Кроме того, нельзя не отметить, однако со знаком минус, работу корректора. Например, некоторые украинские предлоги в статьях киевских коллег остались без перевода, часть сносок внутри статей отсылает к номерам, уже не существующим из-за изменения нумерации сносок с последовательной на постраничную. Порой встречаются и более неприятные недочёты: например, употребление наречия «несмотря» в раздельном написании (с. 63, 134, 283) и многие другие. Технические огрехи снижают общее впечатление от издания⁴. Складывается впечатление, что все статьи рецензируемого издания были оставлены в авторской редакции. Однако технические недостатки не снижают содержательных достоинств монографии.

Открывается «Европа святых» статьёй ответственного редактора С. А. Яцык (с. 5–15), посвящённой истории изучения святости в прошлом и нынешнем столетиях. В целом можно сказать, что исследование святости и святых шло в общих трендах исторической науки. Святость изучалась и с гендерных позиций, и с культурно-антропологических, и с микроисторических. Отечественные же учёные во многом занимались компаративистскими исследованиями в силу специфики имеющегося опыта исследования святых Православной Церкви.

4 См. подробный разбор огрехов сборника И. С. Филипповым: *Филиппов И. С. О святости, корректности и горизонтах науки*. С. 192–209.

Первый раздел посвящён представлениям о святости на Востоке и Западе. И здесь уже проявляется особенность отечественных исследований — из пяти статей, отнесённых редактором к этому разделу, четыре посвящены преимущественно славянским сюжетам. Статья А. И. Алексеева сообщает о полемике между сторонниками прп. Нила Сорского и прп. Иосифа Волоцкого. Автор отмечает, что во многом по отношению к ереси жидовствующих позиции этих святых были схожими. А вот относительно вопросов о монастырском землевладении между учениками святых разразился спор (с. 25–26). Статья является в значительной части полемической по отношению к сформированному в историографии мифу о принципиальной схожести позиций святых и «выдуманном конфликте».

М. В. Дмитриев в своей статье пишет о формировании принципов святости на Западе и Востоке в период XV–XVI вв. На основании нескольких источников, ключевыми из которых являются «Истины показание к вопросившим о новом учении» Зиновия Отенского и анонимное «Слово похвальное», автор приходит к выводу, что при определении святости на Востоке и на Западе были абсолютно разные критерии. На Западе к XIV в. канонизаторы стараются сделать святость достижимым образцом, а святых — достойным примером для подражания. В России же XVI в. святость не есть *exempla*, но нечто неотмирное: «...яко Бог вселися есть во святых, живым им сущим и почившим им» (с. 40). М. В. Дмитриев отмечает, что теологическим фундаментом этих представлений о святости было византийско-православное учение о теозисе, гораздо шире известное на Востоке, чем на Западе.

Следующая статья авторства Н. А. Синкевич повествует о практике включения в сонм местночтимых святых. Два источника, разделённые всего лишь тремя годами, но имеющие разную политическую ориентацию, содержат отличающиеся друг от друга списки святых покровителей Киево-Печерского монастыря. Н. А. Синкевич связывает это, в первую очередь, с авторскими особенностями (во многом с разным воспитанием), обусловившими разное отношение к выбору списка святых для произведения (с. 59–61). Так, Сильвестр Косов, один из авторов, рассматриваемых в статье, был прозападной ориентации, воспитан в иезуитской традиции. Однако важнее в данном случае то, что Сильвестр старался идти в фарватере политики Петра Могилы. Другой из персонажей статьи — Афанасий Кальнофойский, происходивший из мелкой шляхты, явно ориентируется на местную домогилянскую традицию и на Москву. Наиболее рельефно это отражается в описании почитания свв. Бориса

и Глеба. Сильвестр Косов практически не упоминает их в своём труде. Афанасий же, напротив, говорит о мученичестве святых, об их патронате над русскими князьями, о перенесении мощей Бориса и Глеба в Москву. В целом Афанасий Кальнофойский, в отличие от Сильвестра Косова, гораздо чаще отмечает князей и их роль в поддержке Киево-Печерского монастыря. Косов среди всех князей отмечает роль св. Владимира, крестителя Руси. Автор статьи Н. А. Синкевич испытывает некоторые сложности с написанием фамилии Косов. В первой половине статьи она чаще пишется как Коссов, что явно является калькой с польского. Где-то в середине персонаж вновь становится Косовым, как и в заглавии. Однако это не снижает общей познавательной ценности статьи.

Четвёртая статья этого раздела принадлежит перу О. И. Тогоевой и посвящена она образу Жанны д'Арк в «Мистерии об осаде Орлеана» (с. 69–85). Автор приходит к выводу, что сочинитель «Мистерии» ориентировался на ряд произведений с сильными женскими образами, беря за основу своего повествования библейскую историю Юдифи. Сама «Мистерия», по мнению О. И. Тогоевой, является глубоко духовным произведением, а Жанна описывается сочинителем как святая, ставшая орудием Господа и претерпевшая мученичество.

Закрывает раздел масштабная статья В. И. Ульяновского, посвящённая киевскому Выдубическому монастырю (с. 86–117). Автор отмечает неразрывную связь этого монастыря с чудом архангела Михаила в Хонах. Это прослеживается от момента основания монастыря в Выдубичах в XI столетии и до освящения новой церкви в XVIII в. Поскольку обитель основана на овеянном легендами месте всплытия идолов пантеона князя Владимира, то и бороться с подобным освящением места необходимо было с помощью радикальных мер. Уникальное местоположение Выдубичей, по мнению автора (с. 92–97), фактически не оставило шансов монастырю называться не именем архистратига Михаила: на Выдубичах была переправа через Днепр, ведущая к половцам, а сам архистратиг воспринимался как покровитель княжеских воинств, ведущих борьбу с язычниками.

Следующий раздел посвящён парадоксальным для политического измерения практикам святости: превращению в святых политических сторонников, юродству как феномену святости, женской святости. Открывает раздел статья С. А. Иванова (с. 118–123), являющаяся описанием казуса, сохранившегося в источнике: недавно опубликованный текст «Тактикона» Никона Черногорца сообщает о неизвестном ранее эпизоде пребывания Евдокии, жены императора Феодосия II, в Иерусалиме.

Императрица около 443 г. была изгнана из Константинополя и нашла приют в Палестине. Феодосий, недовольный помощью опальной жене, решил обезглавить помогавших ей с переездом сторонников. Евдокия же, узнав об их гибели, повелела соорудить церковь, где похоронила убитых, а поверх их усыпальниц устроила раки с мощами священномучеников. Неясен характер источника самого Никона Черногорца, однако понятно, что он, приводя эту историю, осуждает практику XII в., предполагавшую довольно быструю канонизацию новых святых без соответствующего исследования.

Статья Л. Б. Сукиной посвящена позднесредневековому юродству на Руси и его изображению в агиографии. Автор делает вполне однозначный вывод, что для описания в житиях юродство было довольно новым явлением на Руси XVI–XVII вв. (с. 128–129). Составители житий местночтимых юродивых оказывались в сложном положении. Не имея достаточного литературного образца, они сталкивались и с проблемой, типичной для жизнеописания средневекового человека, — писать было не о чем. Святость юродивых определялась их юродством, проявлявшимся время от времени, а потому и жития представляли собой, по большей части, описание отдельных эпизодов биографии, а не связные рассказы о жизни святого. Юродство часто приписывалось прославляемым святым, которые выступали сторонниками московского великокняжеского престола. В то же время при Иоанне Грозном юродство воспринималось и как своеобразная угроза — имитировать юродство было проще всего. К концу XVII в. практика канонизации юродивых уходит в прошлое. Жития уже канонизированных дополняются посмертными чудесами, однако новых текстов практически не появляется. Время юродивых, как совершенно справедливо отмечает Л. Б. Сукина, уходит.

Третья статья раздела посвящена Жану Жерсону и его взгляду на женскую святость. О. И. Тогоева, полемизируя с традиционными воззрениями на идеи Жерсона, приходит к выводу, что богослов не выступал против женской святости в целом. Он считал, что женщины более подвержены воздействию воображения, а потому необходимо подвергать их свидетельства более тщательной проверке (с. 157–158). Канцлер Парижского университета лишь по этой причине, как отмечает О. И. Тогоева, весьма скептически относился к женским видениям. Он выступал против распространения неподтверждённых сведений.

Следующий раздел, составляющий ядро сборника, посвящён непосредственно роли святых в политике. Открывается он статьёй Н. Ю. Бикеевой о формировании и развитии культа святой Радегунды (VI в.),

бывшей франкской королевы. Формирование её культа исследовательница связывает с созданием двух житий, одно из которых, принадлежащее Венанцию Фортунату, создавало образ святой, управляющей своим монастырём, а другое, авторства Баудонивии, рассказывает о политическом влиянии Радегунды и обретении меровингской принцессой частицы Святого Креста. В целом статья распадается на две отдельных и, как кажется, мало связанных друг с другом части — формирование образа святой в раннем средневековье (с. 160–171) и дальнейшее развитие культа (с. 171–176). И если формирование культа объяснено более или менее чётко, то развитие кажется набором исторических фактов, связанных со святой и местом её почитания. Выводы Н. Ю. Бикеевой о кульминации развития культа в XIX в. кажутся несколько натянутыми, ведь св. Радегунда так и осталась преимущественно местночтимой святой, ни о каком общефранцузском почитании, даже несмотря на усилия епископа Пуатье Эдуарда Пи⁵, речи не идёт.

Статья А. А. Адашинской посвящена сербским святым Симеону (конец XII в.) и Саве (первая половина XIII в.), их постепенному превращению в общесербских святых. А. А. Адашинская отмечает, что на формирование образа Симеона Немани и его сына Савы, первого сербского архиепископа, оказали две традиции — государственническая и монашеская. Вторая отмечала заслуги будущих святых как ктиторов афонского сербского монастыря Хиландар. Оба они заботились и о создании монастыря, и о его процветании, а потому уже достойны стать заступниками обители и в жизни вечной. Для формирования их образа была использована традиция почитания свв. Иоасафа и Варлаама, правителя и его мудрого наставника, служителя церкви (с. 186). Постепенно за Симеоном и Савой закрепляется титул святых ктиторов, который используется и в других монастырях, которым эти двое не оказывали покровительства при жизни. Государственная традиция почитания свв. Симеона и Савы Неманичей появилась для упрочения влияния их потомка — сербского крала Стефана Уроша II Милутина (правление 1282–1321 гг.) — и первоначально была частью концепции «святого корня» династии Неманичей. Постепенно, ко второй половине XIV — началу XV вв., культ Симеона и Савы принимает форму заступничества за умерших сербов. После исчезновения династии Неманичей с исторической сцены культ этих святых со временем стал ассоциироваться с сербскими землями, а не с сербским двором.

5 Период служения 1848–1880 гг.

Статья Е. С. Кравцовой посвящена созданию и совершенствованию образа святого короля Людовика IX руководителем ордена францисканцев Бонавентурой. Автор делает удачную зарисовку состояния взаимоотношений короля и «меньших братьев». После смерти короля в 1270 г. их участие в государственной политике сошло на нет. Е. С. Кравцовой удалось показать влияние на Людовика Бонавентуры, ставшего в 1257 г. министром ордена во Франции. Автор настаивает, что подчинение образу святого короля образу св. Франциска Ассизского делает и власть Людовика IX, и королевскую власть над орденом в недавнем прошлом и настоящем как легитимной, так и оправданной (с. 224–225).

Е. С. Марей свой труд посвятила теме создания Браулионом Сарагосским образа св. Эмилиана. В целом в статье Эмилиан предстаёт не столько святым отшельником, сколько чудотворцем. Ведь каких-либо его действий, характерных только для отшельника, «Житие Эмилиана» не приводит. Е. С. Марей сама отмечает, что рассказы о совершаемых чудесах должны были стать для не слишком сведущих в богословии мирян лучшим доказательством святости Эмилиана (с. 236), а его анахоретство совершенно отличается от примеров восточных отцов.

Совместная статья Е. В. Беляковой и Т. А. Лебер посвящена вопросу о месте сакральных дней в календаре и их связи с женскими культами (с. 237–248). Авторы начинают с того, что в славянской дохристианской традиции некоторые из дней были сакрализированы. В частности, женским культам соответствовал пятый день недели. С христианизацией особое почтение оказывается последнему, седьмому дню недели — воскресенью. Переход от культа св. Анастасии (по-гречески «воскресение») к святой Неделе («воскресенье» по-славянски), а затем совмещение его с культом св. Параскевы (Петки), как у южных славян называлась пятница, проходило постепенно. Об этом свидетельствует, например, параллельное существование культов св. Кириакии (родившейся в воскресенье и получившей такое имя в честь Господнего дня) и святой Недели. Кроме того, в статье отмечается, что у славянских народов возникает типологически близкий к названным культ императрицы Феофано, чьё имя означает «богоявление». Общий вывод статьи довольно традиционен для историографии: с христианизацией славян происходило последовательное замещение языческих культов на христианские.

Одна из самых нестандартных статей всего сборника принадлежит перу А. Ю. Виноградова (с. 249–252). Вопрос о пламенеющих волосах апостола Андрея вряд ли относится к политической святости, скорее к образу святого. Тем не менее статья в полной мере раскрывает

закрепление в иконографии нарративной традиции изображения апостола в апокрифах, а затем уже влияние иконографии на средневизантийский нарратив.

Завершает раздел статья Ф. Б. Успенского, посвящённая ономастике у Рюриковичей. Автор отмечает, что практика почитания святых тем или иным князем зависела не только от его имени, но и от имён его отцов и дедов, в том числе и крестильных. Сложная система почитания святых в зависимости от имён родственников прослеживается на Руси только до XII в. Сама статья выглядит постановкой проблемы, и автор справедливо отмечает, что взаимосвязь культов и имён нуждается в дальнейшем исследовании (с. 260).

Предпоследний раздел сборника озаглавлен «Толерантные и нетолерантные святые в истории христианской Европы». Статья Т. Л. Александровой, первая в этом разделе, посвящена интересному вопросу: входила ли в число атрибутов императорской святости терпимость? Автор удачно совмещает исследование житийного материала и законодательных актов, принятых в период правления имп. Феодосия II (408–450). С 415 г. и до женитьбы Феодосия ключевая роль в принятии законов, в которых декларировалась нетерпимость к язычникам и еретикам, принадлежит Пульхерии, сестре императора. В источниках отмечается, что после женитьбы на язычнице Афинаиде Феодосий стал терпимее относиться к иноверцам. В итоге, Пульхерия была признана святой, а Феодосий остался с репутацией правителя бездейственного, слабого и поддающегося любому влиянию. Авторский вывод очевиден: святость и терпимость малосовместимы (с. 271–272).

Статья М. В. Моисеева посвящена описанию взятия Казани и определению роли святых в этом событии. Автор показывает, что для таких публицистов, как Андрей Курбский, поход на Казань представляется победой над исламом и татарами (с. 284), а для русских книжников — авторов «Казанской истории» и «Троицкой повести о взятии Казани» — прежде всего важны чудеса, которые они связывают с наиболее почитаемыми святыми — Николаем Мирликийским и Сергием Радонежским (с. 280–282). Борьба с Казанью представляется уже борьбой за души.

Завершает сборник раздел, посвящённый практикам святости. Предметом статьи Д. И. Поливянного является сакральная география средневековой Болгарии и её формирование посредством перенесения святых мощей. Автор отмечает, что перенесение мощей в средневековой болгарской литературе часто изображалось как привнесение благодати на новое место (с. 293, 294). Первоначально мощи были

военными трофеями. После 1204 г., когда Константинополь пал под ударами крестоносцев, перенесение мощей из Византии в Болгарию стало включать в себя значение перехода к болгарской столице авторитета и полномочий центра всего православия. На фоне других средневековых православных славянских культур болгарские практики почитания мощей святых отличаются частыми перемещениями мощей по городам и монастырям, их активным использованием в целях укрепления политического и духовного авторитетов болгарских столиц, изменявших местоположение (с. 295–298).

Завершает сборник ещё одна статья Л. Б. Сукиной, теперь уже посвящённая особенностям столпничества в Древней Руси и признания святых, его практикующих, столпниками. Если на Ближнем Востоке это явление было довольно распространённым, то на Руси можно обозначить лишь двух святых столпников: Кирилла Туровского и Никиту Переславского (с. 300), и это несмотря на то, что уход от мира и заключение себя в высоких кельях были довольно популярной практикой среди русских монахов. Восточное столпничество было уходом от мира и заключением себя на столбе или колонне. Древнерусское столпничество заключалось в аскезе, уходе от мира в закрытые кельи монастырей, вполне возможно, в специально вырытые пещеры (с. 306–307). Л. Б. Сукина вполне убедительно заключает, что эта практика не является чем-то национальным; напротив, подобные пещеры можно встретить в средневизантийских описаниях столпников.

Подводя итог, можно сказать, что с главной задачей сборника — сделать срез текущего состояния исследований святости в российской академии — составители справились. Но срез этот получился несколько однобоким, что справедливо отмечает И. С. Филиппов⁶. И при всей справедливости критики невозможно не отметить, что сама заявленная тема вызывает только положительные оценки. Святые и святость в истории Средних веков — неисчерпаемое исследовательское поле, тем более что подход редакторов предполагает, в том числе, компаративистские исследования святых Востока и Запада. Сборник будет полезен для всех, кто изучает культы святых и их отдельные особенности.

6 Филиппов И. С. О святости, корректности и горизонтах науки. С. 204–206.

Библиография

- Владимир (Швец), архим., Сорочан С. Б.* Введение в агиографию. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: Майдан, 2018.
- Владимир (Швец), архим., Сорочан С. Б.* Введение в агиографию. Харьков: Майдан, 2015.
- На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф, М. А. Бойцов. М.: РОССПЭН, 2016.
- Парамонова М. Ю.* Агиография // Российская историческая энциклопедия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. Т. 1. С. 321–324.
- Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси. М: ИВИ РАН, 2003.
- Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003.
- Средневековая Европа: Восток и Запад / отв. ред. М. А. Бойцов. М.: ВШЭ, 2015.
- Филиппов И. С.* О святости, корректности и горизонтах науки. Заметки о сборнике статей «Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века» // Средние века. 2019. Т. 80. № 3. С. 192–209.
- Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / отв. ред. М. А. Бойцов, О. С. Воскобойников. М.: ВШЭ, 2017.

Андрей Валентинович Пикин